

Галина
Куликова

романтическая история

Галина Михайловна Куликова

Милая неженка

текст предоставлен издательством "Эксмо"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3375495
Галина Куликова. Милая неженка: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-56797-3

Аннотация

Всю свою жизнь Ника стремилась узнать, почему мать бросила ее еще совсем малышкой. Добиться ответа от бабушки и непутевого отца ей так и не удалось. После смерти бабушки ее жизнь стала совсем невыносимой. И вдруг в одно мгновение все изменилось, словно по волшебству. На Нику обрушилось множество новых событий, поклонники пошли косяком, появилась возможность сделать блестящую карьеру фотографа... К сожалению, девушке даже в голову не пришло, что за всеми этими чудесами стоит одна большая тайна.

Содержание

Выделение контрастом	4
Кадр первый	9
На даче	16
Фотографии из старого альбома	20
Кадр второй	23
Ссора с Женькой	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Галина Куликова

Милая неженка

Выделение контрастом

– У безработных не бывает отпусков, – пожала плечами Ника и шумно хлюпнула, допивая остатки лимонада через трубочку.

Чопорная дама за соседним столиком поджала губы и одарила ее негодующим взглядом, однако Ника, занятая своими собственными мыслями, не заметила ее возмущения. Неспешно отодвинув в сторону опустевший стакан, она вытерла губы салфеткой и добавила, обращаясь к сидевшей напротив подруге:

– И вообще, для развлечений у меня нет ни денег, ни настроения.

Девушки обедали на летней веранде ресторана «У Топтыгина», который был их любимым местом встреч. Обычно они приходили сюда обсудить дела насущные, поделиться новостями или же просто поболтать «за жисть». Подруги облюбовали этот ресторанчик года два назад по территориальному, так сказать, принципу – он очень удобно располагался между конторой, в которой работала Ника, и фирмой, в которой трудилась ее подруга Евгения. Правда, три месяца назад именно этот момент утратил для Ники свою привлекательность – в связи с обрушившимся на страну экономическим кризисом она вместе с десятками таких же невезунчиков попала под сокращение и с тех пор находилась в свободном поиске. Теперь о ресторанных обедах не могло быть и речи, потому что приходилось считать буквально каждую копейку. Вот и сегодня, если бы не Женька, она спокойно обошлась бы традиционным бутербродом с колбасой. Но у подруги внезапно появился десяток поводов для общения, и она буквально вынудила Нику пойти вместе с ней в ресторан. Конечно, они могли бы встретиться и на какой-нибудь нейтральной территории, однако Евгения была большой любительницей поесть, а «У Топтыгина» кормили вкусно и не слишком дорого. К тому же обстановка здесь была очень домашней и действовала на посетителей умиротворяюще.

Уютно устроившись в тени увитого вьюнами навеса, девушки поболтали о том о сем, а потом принялись обсуждать проблему летнего отдыха. Евгения со своим новым бойфрендом собиралась на две недельки отправиться в Турцию и хотела, чтобы Ника поехала вместе с ними. Но та не желала слышать ни о каких поездках – отсутствие работы отрицательно сказывалось не только на ее достатке, но и на душевном состоянии.

– Ну ладно, про деньги я еще понимаю, – кивнула Евгения в ответ на решительный отказ Ники и поддела ложечкой солидный кусок орехового пирожного. – А вот про настроение – нет! Просто не представляю, как можно не хотеть оказаться у самого синего моря. Солнце, волны, песочек – это же кайф! Дефилируешь так по пляжу в откровенном бикини и наслаждаешься восторженными взглядами курортных красавчиков. А уж с такой фигурой, как у тебя!.. – добавила она и с удовольствием отправила в рот целую гору взбитых сливок.

– Женька, что ты делаешь? – содрогнулась Ника. – Разве можно лопать столько сладкого? Кстати, если бы ты не поглощала кондитерские изделия в несметных количествах, то у тебя фигура была бы в сто раз лучше моей.

– Не была бы, – весело откликнулась Евгения. – Во-первых, у меня для этого слишком крутые бедра, а во-вторых, у нас в роду абсолютно все сладкоежки, так что против природы не попрешь. И знаешь что, – тряхнула она своими каштановыми кудрями, – не уклоняйся от темы. Речь сейчас не обо мне, а о тебе. Я не понимаю, почему ты относишься к себе так безжалостно? Если по утрам фабричный гудок не зовет тебя к станку, то это еще не значит,

что ты у нас безработная. По-моему, ты пашешь, как конь. Вон, буквально срослась уже со своим фотиком – чем не трудовая деятельность?

– Ты прекрасно знаешь, что это не профессия, а всего лишь мое хобби, – возразила Ника.

– Которое тем не менее дает тебе возможность зарабатывать на хлеб, – парировала Евгения.

– Это Ян Сигизмундович дает мне возможность зарабатывать на хлеб, – не согласилась Ника.

Ян Сигизмундович был владельцем небольшого фотоателье, которое так и называлось «Фотоателье номер 44». Ника знала старика уже много лет, с тех самых пор, как они с бабушкой перебрались жить из Риги в Москву. В Риге у бабушки Вероники Александровны осталась подруга Генриетта. Перед расставанием Генриетта на всякий случай снабдила приятельницу десятком имен своих московских родственников и знакомых, среди которых значилось и имя ее младшего брата Яна. Обосновавшись в столице, бабушка не преминула воспользоваться этим списком и принялась быстро заводить новые знакомства. Хотя Ян Сигизмундович был гораздо младше своей сестры, а соответственно, и ее подруги, они с Вероникой Александровной легко нашли общий язык и стали регулярно навещать друг к другу в гости, дабы повспоминать о «делах давно минувших дней». Например, о том, как юные Генриетта и Вероника отправлялись в городской парк на танцы, а маленький Янек тащился вслед за ними и непрерывно ныл, требуя покатать его на карусели. Если же они не обращали на него внимания, он прятался от них в кустах, а позже вымогал у девочек леденцовых петухов, грозясь рассказать маме про то, что они «бросили маленького ребенка на произвол судьбы». Конечно, все это было уже далеко в прошлом и теперь вызывало лишь смех и умиление.

Собираясь в гости к Яну Сигизмундовичу, Вероника Александровна непременно брала с собой Нику. Девочка эти поездки очень любила. Пока бабушка вместе с хозяином дома распивала чай, она сидела в огромном плюшевом кресле и с удовольствием листала пухлые фотоальбомы, которыми был наводнен весь дом. Фотографии Ника рассматривала не просто так – прозанимавшись несколько лет в фотокружке детского Дома творчества, она знала в этом деле толк и уже сама умела неплохо пользоваться камерой.

Поступив в МАИ, Ника продолжила свои занятия теперь уже в институтском фотоклубе, охотно участвовала в разнообразных студенческих фотоконкурсах и однажды даже стала лауреатом премии «Золотой объектив». Во время летних каникул Ян Сигизмундович брал ее на работу в ателье, где она могла не только применить на практике свои умения, но и немного подзаработать, что было вовсе не лишним при их с бабушкой скромном бюджете. Сейчас, неожиданно потеряв место инженера-конструктора в фирме по производству холодильных установок, Ника снова обратилась к Яну Сигизмундовичу, и тот без колебаний протянул ей руку помощи.

– Конечно, Сигизмундыч молодец, что взял тебя под свое крыло, – сказала Евгения, прихлебывая кофе. – Но по мне, так лучше на паперти стоять, чем с ним связываться. Только ты со своим ангельским терпением способна переносить этого строгого зануду.

– Напрасно ты так, – улыбнулась Ника. – Он классный дед, а к его ворчанию я уже привыкла. Вообще, к старикам, как и к детям, нужно относиться снисходительно.

– Я не могу снисходительно, – покрутила головой Евгения, – они меня очень быстро начинают раздражать – и старики, и дети. Особенно дети. Я потому и замуж не рвусь, что боюсь внезапно обзавестись потомством.

– Обычно реплика про потомство принадлежит мужчинам, – усмехнулась Ника, – но сейчас мы эту тему развивать не будем. Что же касается Яна Сигизмундовича... Хотя платит он, прямо скажем, немного, но без него я бы, наверное, вообще по миру пошла.

– Ну, это вряд ли. Думаю, в конце концов ты кому-нибудь все же понадобишься и скоро снова станешь протирать штаны за компом. А по-моему, быть фотографом даже лучше. Романтичнее!

Ника посмотрела на подругу с грустью.

– Если бы я была настоящим профессионалом в этом деле – тогда действительно было бы здорово. Но без специального образования это так – художественная самодеятельность.

– Да брось ты! – махнула на нее рукой Евгения. – Специальное образование нужно только тем, кто ракеты строит, а в искусстве этого не требуется. Особенно нынче. Ты же не думаешь, что мальчики и девочки, которые гундосят на эстрадных подмостках, кончали Гнесинку, верно? Сегодня в кино снимаются продавщицы, книги пишут грузчики, картины рисуют...

– Маляры, – улыбнулась Ника. – Ладно, Женька, кончай свою агитацию – все равно не поможет. Я, конечно, очень люблю фотографировать, но у меня к себе слишком высокие требования, ты же знаешь. К тому же в этой области такая жестокая конкуренция, что самоучкам пробиться совершенно невозможно. В общем, одна мне дорога – в конструкторы.

– Пусть так, – покорно кивнула Евгения, – но пока ты еще не успела снова вооружиться циркулем, тебе не мешает немного развеяться, снять стресс от нервных перегрузок последних месяцев.

– А под словами «развеяться» и «снять стресс» ты, естественно, подразумеваешь всякие курортные шуры-муры с мужчинами? – насмешливо спросила Ника.

– Не, ну не обязательно пускаться в разврат, можно просто построить глазки.

– Я не умею строить глазки, – отрезала Ника.

– Все женщины умеют строить глазки, – не согласилась Евгения, – они впитывают это умение с молоком матери. – Увидев, что при этих словах лицо Ники окаменело, она запнулась на полуслове, но потом упрямо продолжила: – Это нормальный женский инстинкт.

– Любые инстинкты надо подкреплять практикой, – вздохнула Ника, – а у меня такой возможности никогда не было. В тот период, когда девицы обычно осваивают это дело, у меня зрение было минус шесть, и все мужчины тогда казались мне на одно лицо. Очки носить я стеснялась и глазки строить опасалась – вдруг наткнешься на какого-нибудь крокодила и не заметишь? А когда мне у Федорова сделали операцию и я, наконец, прозрела, учиться искусству стрелять глазками было уже поздно. Все, мой поезд ушел.

– Это у мадам Брошкиной поезд ушел, – фыркнула Евгения, – а у тебя все еще только начинается. Да что я тебя уговариваю! – неожиданно рассердилась она. – Тебе еще целых два месяца до тридцатилетнего юбилея, а ты уже поставила на себе крест. Вот скажи, когда ты последний раз была на свидании?

Ника ничего не ответила, лишь неопределенно пожала плечами и, не поднимая на подругу глаз, принялась катать в пальцах трубочку от лимонада.

– Молчишь? – злорадно протянула Евгения. – И правильно, потому что нет тебе, Никуся, оправдания. Вот посмотри на меня – упитанная, физиономия круглая, конопушки на носу, а от ухажеров отбоя нет. Зато ты со своими длинными ногами и высокими скулами так и будешь весь век одна куковать.

Это была чистая правда. Полненькая и румяная Евгения относилась к той категории женщин, про которых Жванецкий говорил «не замужем, но есть человек». Оптимистка по натуре, она была бодрой, энергичной и смотрела на мир с открытой, слегка кокетливой улыбкой, которая притягивала представителей противоположного пола, как магнит. Ника нередко упрекала подругу в легкомыслии, но та лишь отмахивалась. Сама она считала, что обладает достаточным запасом здравого смысла и даже цинизма, которые просто приберегает до поры до времени.

«Когда выйду на пенсию, тогда и начну брюзжать, – говорила она, – зачем мне сейчас-то заикливаться на негативе? Молодость тем и хороша, что наполняет нас эмоциями, желаниями и страстями, так пусть они будут исключительно со знаком «плюс».

У Ники же характер был совершенно иной. Воспитанная строгой бабушкой, она всегда старалась вести себя разумно, не терпела хаоса и пыталась планировать каждую мелочь на сто шагов вперед. Держалась она довольно сдержанно и понапрасну не расточала улыбки направо и налево. «Умная, деловая, ответственная» – значилось в ее характеристике, и это не было формальной отпиской – Ника и в самом деле была умной и очень ответственной. Тем не менее эти замечательные качества не помогли ей удержаться на работе. Не помогали они ей и в делах сердечных – как совершенно справедливо заметила Евгения, на свидания Нику приглашали нечасто. Последнее обстоятельство ее, конечно же, огорчало. Но что она могла поделать, коли мужчины как сговорились и не обращали на нее ни малейшего внимания?

– Чего ты от меня хочешь? – спросила Ника, глядя на подругу исподлобья. – Чтобы я вдруг начала носиться по городу в поисках поклонников?

– За ними не надо носиться, – нравоучительным тоном ответила Евгения, – их просто не надо отпугивать.

– Я что, чучело огородное, чтобы их отпугивать? – обиделась Ника.

– Не-ет, ты, Никуся, далеко не чучело, и тебе это хорошо известно. Ты просто балбеска.

– Здрасьте-приехали! – слегка опешила Ника. – С чего это я вдруг стала балбеской?

– Да ты ею всю жизнь была, мне просто не хотелось тебе об этом говорить, – хмыкнула Евгения. – Ты так гордишься своей сдержанностью и принципиальностью, что у меня духу не хватало тебя разочаровывать. Но теперь я тебе все же скажу: на самом деле ты вредина и придира, вот. И если в ближайшее время ты в корне не изменишь свое поведение, так и помрешь в девках.

Подперев подбородок ладонью, Ника смотрела на подругу внимательно и с интересом. Евгения всегда была эмоциональной особой, в запале разговора любила размахивать руками, а сейчас вообще разгорячилась не на шутку – вон, даже щеки покраснелись. Интересно, что это ее так разобрало? Трудно предположить, что свои открытия по поводу Ники она сделала только сегодня – они знали друг друга уже сто лет и давно разобрались в том, у кого какой характер.

«Может, накануне моего дня рождения Женька решила выдать меня замуж и готовит почву? – улыбнулась про себя Ника. – Нашла мне жениха и теперь пытается настроить меня на лирический лад?»

– Представь себя на месте обыкновенного хорошего парня, – продолжала между тем Евгения. – Не мазохиста какого-нибудь, которому нравятся побои и унижения, а с нормальной психикой. Вот, скажем, заметил он тебя, как ты сидишь в кафе и ешь мороженое. Молодая и симпатичная, во всех отношениях подходящий кадр. Он уже начинает придумывать какой-нибудь повод к тебе подкатиться, как вдруг ловит твой надменный и полный безразличия взгляд. Ну и как ты думаешь, станет он с тобой после этого заигрывать? Да ни за что!

Ника никак не отреагировала на эту тираду подруги, а про себя грустно подумала: «В общем-то, Женька права, водится за мной такое – делать вид, что все мужчины на свете мне безразличны. Сказалось бабушкино воспитание – она считала, что порядочные девушки ни в коем случае не должны давать мужчинам повод знакомиться с ними на улице или в транспорте, а посему им следует всегда ходить с непроницаемой физиономией».

– Ну что ты молчишь? – рассердилась на индифферентность подруги Евгения. – Скажешь, я не права? Ты посмотри на себя – лишний раз никому не улыбнешься, а твоих прекрасных глаз просто невозможно разглядеть под насупленными бровями. А ну давай раскрепостись и улыбнись, как если бы ты думала, что жизнь прекрасна!

Ника тяжело вздохнула, но потом все же растянула губы в неискренней улыбке.

– Фу, какой ужас, – не одобрила ее кривляний Евгения. – Это оскал загнанного в ловушку зверя, а не улыбка. Давай еще раз.

Ника вдруг представила всю эту комедию со стороны и от души рассмеялась.

– Ну вот, умеешь же, когда захочешь, – возопила Евгения, всплеснув руками. – Сразу превратилась в настоящую красавицу. Вот еще бы гардеробчик тебе сменить, и дело в шляпе. А то таскаешь только штаны да мужские рубашки, и все это депрессивно черно-серого цвета.

– Это цвета Коко Шанель, между прочим, – возразила Ника. – И она, кстати, тоже предпочитала строгие костюмы пошлым перьям и рюшкам.

– Не передергивай, моя дорогая. Несмотря на строгий стиль, твоя любимая Коко всю жизнь ратовала за женственность. И это именно она изобрела маленькое черное платье – эталон стиля и изящества. А тебя я за последние двадцать лет не видела в платье ни разу.

– Ладно, я подумаю над твоими замечаниями, – неожиданно пошла на попятный Ника, чем сильно удивила Евгению, которая приготовилась к длительному сражению. – Пока ты будешь отдыхать на золотых турецких пляжах, я в поте лица стану отрабатывать перед зеркалом очаровательную улыбку. Потом куплю себе легкомысленный сарафан, распушу по плечам белокурые локоны... В общем, когда вернешься, ты меня не узнаешь – я буду вся такая внезапная, такая противоречивая вся!

Ника томно завела глаза и манерно взмахнула ручкой. Глядя на нее, Евгения облегченно засмеялась, потому что почувствовала – хотя подруга и дурачится, их сегодняшний откровенный разговор не прошел для нее бесследно.

Кадр первый

– Вероника, девочка, ты не забыла, что у тебя сегодня съемка? – спросил Ян Сигизмундович. Имя «Вероника» он всегда произносил, делая ударение на «о».

– Я не забыла, – бодро откликнулась Ника.

Вооруженная пушистой метелкой на длинной ручке, она занималась тем, что смахивала пыль с развешанных по стенам ателье фотопортретов.

Не прошло и минуты, как Ян Сигизмундович снова подал голос:

– Надеюсь, ты помнишь, что съемка назначена на два часа?

Старик энергично потряс в воздухе стопкой желтоватых бумажек. Хотя он уже давным-давно освоил компьютер, но упорно продолжал заполнять от руки бланки заказов, которые сохранились у него, кажется, еще со времен начала перестройки.

– Помню, конечно, – покорно ответила Ника.

– Вы ведь с Адой Павловной должны встретиться на бульваре, я правильно понимаю?

– Правильно, на бульваре.

– Но ведь уже половина второго, – воскликнул Ян Сигизмундович, бросая выразительный взгляд на часы. – Думаю, тебе пора собираться. Нехорошо, если клиентке придется ждать.

Ника вздохнула и безропотно направилась в соседнюю комнату за своим фотоаппаратом. Бульвар, на котором должна была состояться встреча с клиенткой, находился прямо напротив «Фотоателье номер 44», и, чтобы попасть на него, надо было лишь выйти за дверь и перейти дорогу. Но спорить с Яном Сигизмундовичем все равно было бесполезно – если уж ему втемяшилось в голову, что пора собираться, то он не успокоится, пока не отправит Нику на задание.

Засунув метелку в шкафчик, девушка вымыла руки, мельком взглянула на себя в зеркало – вполне свежа! – и повесила на шею любимую «Катюшу». Так она называла свою хотя и не особо новую, но все еще вполне достойную камеру «Сапон». В кругах крутых профессионалов «Кэноны» называли «сапогами», но Нике это словечко не нравилось – оно казалось ей нарочито пренебрежительным. К своей фотокамере Ника относилась трепетно, как к верной подруге, и именovala ее «Катюшей». Это имя как-то неожиданно придумалось по ассоциации, навеянной немецким словом «каноне», что означает «пушка». Ну а потом уже «пушка» сама собой превратилась в «Катюшу» – и ласково, и с каким-никаким смыслом.

Когда с сумкой на боку, фотоаппаратом на шее и штативом в руках Ника предстала пред светлы очи Яна Сигизмундовича, тот немедленно принялся ее напутствовать.

– Дорогая моя девочка, постарайся вести себя предупредительно, – бубнил старик, которому было отлично известно, что всегда сдержанная и терпеливая Ника умела ладить с любыми клиентами. – Я хочу надеяться, что ты понравишься Аде Павловне. Она моя давняя приятельница, к тому же влиятельная дама с широким кругом общения, и сегодня именно от тебя зависит, как она будет отзываться в этом самом кругу о твоей работе. Учти, деточка, ты должна произвести на нее благоприятное впечатление.

– Мухтар постарается, – машинально откликнулась Ника, которая уже знала все напутственные речи своего босса назубок.

Махнув на прощанье рукой, девушка выскользнула за дверь и отправилась на бульвар. Она пересекла не слишком широкое и не особо оживленное шоссе и не спеша пошла вдоль высоких старых лип, обрамлявших чисто выметенную дорожку. Густые кусты боярышника и развесистые кроны деревьев как будто отгородили этот волшебный уголок от всего остального безумного мира. Здесь всегда было на удивление тихо, в знойную погоду – прохладно, а в ветреный день уютно. Ника прошла по дорожке туда-сюда, а потом уселась на скамейку

неподалеку от полянки, на которой иногда проводила фотосессии. Еще прошлой осенью на этом месте стояло большое толстое дерево, а потом на город обрушилась гроза, и в дерево попала молния. Оставшийся от него огромный обугленный пень выкорчевали и увезли, а на его месте посеяли травку. Так появилась маленькая солнечная полянка, на которую Ника приводила своих клиентов.

Вообще-то до недавнего времени съемка на природе не входила в перечень услуг, предоставляемых «Фотоателье номер 44». Консервативный до мозга костей Ян Сигизмундович признавал лишь классический студийный портрет, а также фото на документы. Еще в его студии можно было заказать репортажную съемку, а проще говоря, фотографирование свадеб и других торжественных церемоний. Но это дело являлось безраздельной епархией его верного помощника и монстра фотосъемки по фамилии Мишук.

Когда еще в студенчестве Ника подрабатывала в ателье у Яна Сигизмундовича, тот с энтузиазмом обучал ее именно искусству студийной съемки. Будучи девушкой толковой и трудолюбивой, Ника быстро освоила технику фотопортрета, и довольный своей ученицей старик вскоре стал поручать ей выполнение даже «очень ответственных» заказов.

Окончив Московский авиационный институт, Ника начала работать, но только не конструктором самолетов или космических кораблей, а инженером в маленькой фирмочке по производству холодильного оборудования. Работа эта, признаться, была не слишком творческая, не требовала особых усилий и не приносила большого дохода. Ника сразу же затосковала, но поскольку найти что-то более интересное и перспективное молодому специалисту, не имеющему ни опыта, ни связей, было не так-то просто, ей оставалось лишь одно – смириться. Она и смирилась, а потом и вовсе привыкла. Народ в фирме подобрался неплохой, зарплата выплачивалась регулярно, а когда спустя несколько лет начальник конструкторской группы ушел на пенсию, Нике посчастливилось получить его место. По правде говоря, новая должность не слишком сильно изменила суть Никиной деятельности – работа продолжала оставаться однообразной, а потому ужасно скучной. Однако девушка старалась не падать духом, и в этом ей здорово помогала ее страстная любовь к фотографии.

К своему увлечению Ника всегда относилась очень серьезно. Она знала толк в особенностях разных типов фотосъемки, неплохо разбиралась во всяких линзах, объективах, светофильтрах и массе других хитроумных приспособлений, с которыми приходится иметь дело фотографам. Конечно, дорогое техническое оснащение было ей не по карману, но Ника знала такие места, где можно было добыть и то, и это, пусть и бывшее в употреблении, но зато за вполне умеренную цену. Еще она любила бродить в Интернете, выискивая новейшую информацию о мире фотобизнеса, а также посещая многочисленные фотофорумы, на которых порой можно было найти немало дельных советов. В выходные Ника обычно брала свою «Катюшу» и отправлялась на «фотоохоту». Больше всего ей нравилось снимать пейзажи: сонный осенний парк, покосившийся корноухий домик на опушке леса, старую церквушку на зеленом холме. Но однажды она увидела фотографии знаменитой американки Хелен Левитт и была прямо-таки потрясена глубиной и выразительностью ее работ. Каждая фотография художницы была маленькой историей из жизни, рассказанной мастерски и с душой. Ника немедленно загорелась желанием тоже попробовать себя в сюжетной съемке, хотя отдавала себе отчет в том, насколько это непростое дело. Ведь здесь важно было не только увидеть хороший кадр, но и успеть его «зацепить». И тем не менее Ника погрузилась в новое занятие с головой. Каждую свободную от своей конструкторской работы минуту она проводила на улицах города, присматриваясь, прицеливаясь и щелкая один кадр за другим. Порой из сотни снимков лишь один получался более или менее достойным, но Нику это не сильно огорчало. Даже самая крохотная удача всегда вдохновляла ее на дальнейшие пробы и поиски. В конце концов почти за год упорной работы у нее скопилась небольшая коллекция вполне приличных снимков, которые она назвала «Картинки с улицы». В этой

серии самой Нике особенно нравилась фотография, на которой сгорбленная сухонькая старушка кормила булкой стаю упитанных голубей. Женьку же умилял румяный мальчуган, самозабвенно лижущий эскимо, стоя посреди огромной лужи. Подруга уверяла Нику, что эта маленькая серия когда-нибудь принесет ей большой успех.

Все это время Ника поддерживала контакт с Яном Сигизмундовичем и никогда не отказывалась помочь ему в ателье, если в том была необходимость. Когда год назад умерла ее бабушка, Ника решила не нарушать традиции и продолжала раз в месяц навещать к старику на чаепитие. Тот всегда радовался ее визитам, как дитя, и ценил ее умение подолгу слушать его стариковскую болтовню. Так и получилось, что, когда Ника внезапно осталась без работы, Ян Сигизмундович сразу же согласился зачислить ее в свой штат. Вскоре после этого он переложил на ее плечи всю ответственность за портретную съемку, оставив за собой лишь общее руководство и бухгалтерский учет.

Ника проработала в «Фотоателье номер 44» всего пару дней, когда к ним заглянула застенчивая юная девушка и попросила снять ее так, «чтобы было очень красиво». Смущаясь, она объяснила Нике, что ее жениха скоро должны забрать в армию, и ей очень хочется подарить ему свою фотографию. Только фотография непременно должна быть особенная – такая, которая бы будоражила воображение и не позволяла ему забывать о невесте ни днем, ни ночью. Девушка была худенькая, с бледным, почти прозрачным личиком и светлыми волосами, собранными на шее в тоненький хвостик. Во взгляде ее читалась трогательная надежда. Нике от всего сердца захотелось ей помочь, и она с энтузиазмом принялась за дело. Но как она ни билась, все снимки получались бесцветными и невыразительными.

И тогда Нике неожиданно пришла в голову интересная мысль: а что, если призвать на помощь природу? Недолго думая, она схватила в одну руку камеру, в другую – штатив и отправилась со своей «моделью» на бульвар. В итоге портрет получился на редкость удачным. На нем была изображена девушка с большими печальными глазами. Ветер играл складками ее платья и развеивал светлые волосы. Девушка вертела в руках веточку сирени и, слегка склонив голову к плечу, мягко улыбалась, что делало ее похожей на юную мадонну.

Ян Сигизмундович, который поначалу был категорически против затеянной Никой «авантюры», вынужден был признать, что его новая сотрудница поработала на славу. Потом он распорядился, чтобы снимок увеличили, обрамили и повесили в приемной на самом видном месте. Как и следовало ожидать, многие посетители обращали на него внимание, а некоторые высказывали желание тоже сфотографироваться на лоне природы. С тех пор Ника кого только не водила на бульвар: и влюбленную парочку, и компанию старых школьных друзей, и бравого лейтенанта, и шкодливых близнецов. Сегодня же ей предстояло снимать даму с собачкой.

– Скажите «чи-из», и вылетит птичка! – раздался у Ники над головой громкий голос. Девушка вздрогнула, подняла глаза и сразу увидела нацеленный на нее объектив. В следующую секунду раздался щелчок фотоаппарата.

– Что это вы делаете? – воскликнула Ника, проворно вскакивая на ноги.

Перед ней стоял высокий парень в полосатой рубашке «поло», выразительно обтягивавшей его широкие плечи и внушительные бицепсы. Мощная шея, белоснежные зубы и короткая стрижка делали его похожим на морского пехотинца, какими их показывают в американских боевиках. Ника смотрела на незнакомца, сурово сдвинув брови, и уже готова была отчитать нахала, но тот сиял такой добродушной улыбкой, что у нее мгновенно прошла охота ссориться. Парень показался ей симпатичным, к тому же она вовремя припомнила, что обещала Женьке быть с мужчинами помягче. Поэтому, согнав с лица хмурое выражение и стараясь придать своему голосу игривость, она спросила:

– Зачем вы меня сфотографировали?

Игривость удалась ей плохо, и вопрос прозвучал, как на допросе. Однако «морского пехотинца» это обстоятельство не смутило, и он с готовностью ответил:

– Хотел, чтобы восторжествовала справедливость. А то что это за дела: вы всех щелкаете, а вас – никто.

Ника подозрительно сощурилась.

– Вы что, за мной шпионите?

– Ни боже мой! – очень искренне ответил ее визави и для пущей убедительности даже прижал руку к груди. – Просто я тут работаю недалеко, – неопределенно мотнул он головой, – поэтому иногда прихожу на бульвар покурить или же бутерброд пожевать – все лучше, чем в четырех стенах париться.

Пока Ника анализировала полученную информацию, парень протянул ей руку и сказал:

– Меня Юрий зовут. А вас?

Чуть-чуть поколебавшись, Ника осторожно вложила пальцы в его огромную лапу и тоже представилась.

– Выходит, ты профессиональный фотограф? – начал разговор Юрий, совершенно спокойно переходя на «ты».

– Почти, – неопределенно ответила Ника. Ей не хотелось врать, но и вдаваться в подробности своей карьеры она тоже не собиралась.

– А сегодня ты здесь чего? По делу или погулять вышла?

– По делу – буду снимать даму с ее комнатной собачкой, – объяснила Ника, и в этот момент на бульваре появилась крохотная старушенция в кокетливой соломенной шляпке, украшенной букетиком искусственных фиалок. Рядом с ней шествовал гигантских размеров сенбернар, голова которого маячила где-то на уровне старушкиного плеча. Парочка уверенно двигалась прямо к Нике, и девушка поняла, что это и есть ее клиентка Ада Павловна со своим четвероногим питомцем.

Проследив за ее взглядом, Юрий повернул голову и, завидев приближающуюся процессию, удивленно присвистнул:

– Вот это зверь! Мне кажется, комнатной эта собачка была только в щенячьем возрасте, а теперь она минимум трехкомнатная. Я бы даже назвал его «Мистер Пентхаус».

– А тем временем его зовут Себастьян, – неожиданно низким голосом сказала подошедшая к ним старушка. Она еще издали умудрилась услышать слова Юрия – слух у нее, судя по всему, был отменный. Еще у нее были юркие маленькие глазки, длинный острый нос и не менее острый подбородок, который в сочетании с канотье делал ее похожей на старуху Шапокляк.

– Здравствуйте, Ада Павловна, – сказала Ника, размышляя о том, что и характер у бабуси, наверное, такой же противный. – Я Вероника Малышева.

– А вы? – немедленно повернулась старушка к Юрию и впиалась в его лицо цепким взглядом.

– Поклонник, – ничтоже сумняшеся отрапортовал тот, а потом добавил: – Поклонник таланта Вероники Малышевой.

Старушка как-то по-девчачьи хихикнула, перевела взгляд на Нику, а потом положила сухую ладошку на голову своего пса и сказала:

– Ну что, Басик, они мне определенно нравятся. Думаю, мы сработаемся.

Поначалу Ада Павловна и вправду попыталась взять инициативу в свои руки, но быстро поняла, что с Никой этот номер не пройдет, и стала более покладистой. С Себастьяном же не возникло вообще никаких проблем. У пса были невероятно умные глаза, и Нике казалось, что если она хорошо попросит, тот спокойно может улыбнуться в объектив. На хозяйку, которая называла его Басиком, пес смотрел снисходительно.

Пока Ника занималась со своими клиентами, Юрий сидел в сторонке, неспешно курил и внимательно следил за всеми ее действиями. Она чувствовала его взгляд, и это сбивало ее с привычного ритма. Ника всеми силами старалась сосредоточиться на работе, но мысли ее то и дело возвращались к новому знакомому.

«Надо же, не убежал, – думала она, – сидит и ждет, пока я тут все закончу. Терпеливый... Странно, почему это он меня заметил, а я его нет? Ведь такого верзилу трудно проглядеть».

Она покосилась в сторону скамейки, на которой высилась фигура «морского пехотинца». Тот поймал ее взгляд, заулыбался и подмигнул. Ника смутилась, быстро отвела глаза и снова постаралась думать о деле. Однако у нее снова ничего не вышло.

«Интересно, давно он меня высмотрел? – думала она, механически меняя высоту штатива. – Ой, а вдруг он видел меня на прошлой неделе, когда я была жутко простужена? С распухшим носом, слезящимися глазами, нечесаная... Ужас, ужас!»

Ника передернула плечами и постаралась поскорее отогнать неприятный образ. Потом она посмотрела на свои коротко остриженные ногти и поморщилась.

«Почему я перестала делать маникюр? И платье себе до сих пор не купила... Опять вырядилась в бриджи и футболку, хотя обещала ведь Женьке сменить образ на более женственный. Сегодня это бы здорово пригодилось. Наверное, женщина, особенно та, которая приближается к тридцатилетнему рубежу, постоянно должна находиться в боевой готовности – напомажена, намакияжена и одета, как модель на подиуме. Чтобы в случае внезапного появления приятного незнакомца не быть застигнутой врасплох. Хорошо хоть, что не поленилась сегодня подкраситься...»

Из задумчивости Нику вывел строгий голос Ады Павловны. Девушка вздрогнула, потом тряхнула головой и с энтузиазмом принялась за работу, полностью выбросив из головы свое сегодняшнее неожиданное знакомство.

Однако, лишь только Ника сделала последний снимок, Юрий мгновенно материализовался рядом с ней и, как нечто само собой разумеющееся, принялся свинчивать треногу. Потом, забросив ее на плечо, он встал по стойке «смирно» и сделался похожим на солдата почетной королевской охраны.

«Он и правда выглядит, как мой верный паж», – усмехнулась про себя Ника, а потом снова обратила свое внимание на Аду Павловну. Предложив ей в ближайшее время прийти в фотоателье, чтобы они вместе могли отобрать фотографии для печати, Ника пояснила:

– Все, что вам понравится, я сброшу на диск, а самые лучшие снимки распечатаю в размере десять на пятнадцать.

– И еще я хочу, чтобы вы сделали наш с Басиком большой портрет, – требовательным голосом добавила старушка. – Мне кажется, для него подойдет тот снимок, где мы склонили друг к другу головы – это должно будет выглядеть очень проникновенно.

– Думаю, вы правы, – не стала спорить Ника. – Жду вас в нашем фотоателье в любое удобное для вас время.

Ада Павловна довольно заулыбалась, а Себастьян поглядел на Нику мудрым взглядом, как бы говоря: «Правильно делаешь, что соглашаешься. Даже если тот кадр окажется не самым лучшим, сделай так, как она просит, – с моей хозяйкой лучше не связываться».

На прощанье старушка бросила лукавый взгляд на стоявшего поодаль Юрия и громко заметила:

– У вас очень преданный поклонник, Вероника Малышева. Поклонник вашего таланта.

Распрощавшись с клиенткой, Ника отправилась обратно в фотоателье, а Юрий зашагал следом, на ходу уговаривая ее пойти вместе пообедать. Однако Ника, которая уже исчерпала весь свой ресторанный лимит, предпочла отказаться, сославшись на занятость.

– Тогда, может быть, завтра? – не желал сдаваться ее провожатый.

– Ладно, давай завтра. Только встретимся не за обедом, а за чашкой кофе, хорошо?

– Лучше не придумашь, – оживился Юрий. – Завтра заеду за тобой часиков в пять. Пойдет?

Ника постаралась улыбнуться своей самой приветливой улыбкой и кивнула. После этого, помахав ей ручкой и довольно посвистывая, Юрий удалился, унося в кармане номер ее телефона.

На следующий день ровно в шесть часов к «Фотоателье номер 44» подкатил красный джип, в котором Ника отправилась на свое первое за долгие месяцы свидание. Юрий предложил посетить кафе со смешным названием «Милый пингвин», где намеревался угостить Нику мороженым. Девушка, которая давно уже экономила на всем, и в первую очередь на сладком, отказываться не стала.

По дороге Юрий то и дело поворачивал голову в ее сторону и бросал на нее восторженные взгляды.

«Не зря я все-таки старалась», – с удовольствием подумала Ника, вспоминая, как весь вчерашний вечер провела в огромном торговом центре в поисках подходящего к случаю наряда. В результате она выбрала короткое синее платье, недорогое, но милое. Оно чудесно гармонировало с ее голубыми глазами и золотистыми волосами, а также давало возможность полюбоваться ее стройными ножками. Единственное, о чем не мог догадаться восхищавшийся Никой Юрий, – это насколько неловко и дискомфортно она чувствует себя в непривычном одеянии. Ей все время казалось, что платье морщится, сбивается в сторону, задирается слишком высоко, и Ника то и дело что-то разглаживала, поправляла и одергивала. Эти манипуляции навели Юрия на мысль, что она сильно нервничает, и он, конечно же, отнес ее волнение на свой счет.

Когда перед Никой на столе появилась высокая снежная горка, украшенная шоколадной стружкой и орешками, она чуть не замурлыкала, предвкушая наслаждение. Однако тут же подумала, что девушке не подобает так откровенно проявлять свои эмоции, и порозовела от смущения. Чтобы как-то отвлечься, она решила покурить и, порывшись в сумочке, выложила на стол пачку длинных сигарет.

– А я и не знал, что ты куришь, – удивленно сказал Юрий, щелкая зажигалкой.

– Мне кажется, что ты обо мне вообще еще ничего не знаешь, – с улыбкой заметила Ника.

Юрий отчего-то стушевался, однако быстро взял себя в руки, полез в карман и достал оттуда слегка помятую фотографию. На ней была изображена Ника, какой он запечатлел ее вчера на бульваре. Выражение лица у девушки было удивленно-сердитым и при этом ужасно потешным. Взглянув на снимок, Ника не смогла удержаться от смеха, и Юрий рассмеялся вместе с ней.

– Фотография ужасная, – шутливо нахмутив брови, заявила Ника. – Я требую сатисфакции.

– Будем стреляться на пистолетах? – серьезным тоном поинтересовался Юрий, и девушка снова прыснула.

Сегодня она много смеялась, потому что чувствовала себя почти счастливой – такого ощущения Ника не испытывала уже очень и очень давно. Черная полоса в ее жизни, которая началась год назад со смерти бабушки, сильно затянулась, и казалось, уже не кончится никогда. Одиночество, потеря работы, отсутствие денег – все это висело над Никиной головой, словно черная туча, окрашивающая ее жизнь в самые мрачные тона. Но сейчас эту тучу как будто бы пронзил солнечный лучик, и Ника немного приободрилась.

Они как-то сразу нашли общий язык, чему во многом способствовало неукротимое жизнелюбие Юрия. Держался он по-свойски, рассказывал армейские байки, шутил. Из его рассказа о себе Ника узнала, что учился он в Бауманке, потом отслужил в армии, а теперь

снова учиться, только уже на вечернем отделении, а также работает по какой-то своей «армейской специальности». Ника отвечала на его вопросы, смеялась шуткам, а сама размышляла о том, что парень, судя по всему, моложе нее лет на пять, не меньше.

«Да и ладно, – поспешила успокоить она себя, – мы же не школьники какие-нибудь, для которых несколько лет разницы могут оказаться непреодолимой пропастью. К тому же выглядит он достаточно мужественным, чтобы рядом с ним можно было забыть о своем возрасте».

– Ты футбол любишь? – неожиданно спросил Юрий.

– Не знаю, я его никогда не смотрела, – пожала плечами Ника.

– И любимой команды у тебя нет?

Она отрицательно покачала головой:

– Ни любимой нету, ни нелюбимой.

Юрий посмотрел на нее с таким недоумением, как будто поражался, как это такие экземпляры еще сохранились в природе.

– Тогда будешь с сегодняшнего дня болеть за «Динамо».

– Это потому, что ты тоже болеешь за «Динамо»? – уточнила Ника.

– Именно. И еще потому, что я хочу взять тебя завтра с собой на матч: наши будут играть с «Локомотивом». Только на стадионе не положено сохранять нейтралитет, так что будем болеть вместе.

– Мне придется кричать?

– Можно еще свистеть и улюлюкать. Ты хотя бы правила знаешь?

– Приблизительно представляю. Каждая команда пытается загнать мяч в ворота противника, и это называется «забить гол», правильно?

– Молодец, – удовлетворенно кивнул Юрий. – Остальное объясню по ходу дела. Кстати, а какие у тебя планы на выходные?

В это время у Ники в сумочке мобильный телефон загремел «Богатырскую» симфонию Бородина. Извинившись, девушка приложила трубку к уху.

– Веруся, как ты поживаешь, моя лапочка? – услышала Ника голос Женькиной матери.

Анна Захаровна звонила напомнить, что в субботу на даче они с мужем празднуют очередную годовщину их свадьбы. Ника, естественно, была приглашена. В субботу же как раз должна была вернуться с курорта Женька.

– Хоть бы уж она не притаскивала с собой этого обормота Додика, – сокрушенно вздохнула Анна Захаровна. – Отец его терпеть не может. Надо ж придумать человеку такое имя, какое-то собачье. И где она их только берет, хлыщей этих?

Ника была уверена, что Женька отбирает из своих поклонников именно «хлыщей» исключительно для того, чтобы позлить родителей, однако мнение свое предпочитала держать при себе.

– Ну да ладно, не о них сейчас речь, – продолжала между тем Анна Захаровна. – Главное, ты, Веруся, обязательно приезжай, и ухажера своего привози, если таковой имеется.

Эти слова Анны Захаровны тут же навели Нику на мысль прихватить с собой Юрия. А что, пусть подруга увидит, как активно она выполняет данное ей обещание. И ничего страшного, что их знакомство с Юрием только еще начинается – как говорится, куй железо, пока горячо.

– А вот и ответ на твой вопрос про выходные, – сказала Ника, вертя в руке телефон. – Как ты смотришь на то, чтобы сопровождать меня в поездке за город и быть моим кавалером на праздничных шашлыках?

Юрий расплылся в довольной улыбке и охотно принял ее предложение.

На даче

– Какая же это дача? Настоящая помещичья усадьба, а не дача, – восхитился Юрий, разглядывая крепкий деревянный забор, над которым клубились густые кусты сирени. Позади них зеленели сочные кроны могучих фруктовых деревьев, из которых выглядывала треугольная, крытая шифером крыша дома.

Ника открыла калитку, вошла в сад и поманила за собой Юрия. Они пошли по посыпанной гравием дорожке, вдоль которой выстроились шеренги смородиновых кустов. Неожиданно они услышали бодрый женский голос, который сказал кому-то: «На, зайныка, погрызи морковочку – до обеда-то еще далеко», и тут же из зарослей навстречу им вышла полная румяная женщина в цветастом сарафане.

– Веруся, лапочка ты моя, – заулыбалась женщина, раскрывая Нике свои объятия. – Вот молодец, что приехала.

– Здравствуйте, Анна Захаровна, – улыбнулась в ответ девушка и протянула хозяйке дома нарядную круглую коробку с конфетами. – Поздравляю!

– Поздравляю, – присоединился к ней Юрий, державший в руках длинный пакет, из которого торчало горлышко шикарной бутылки.

– Ох, спасибо, ребятки! – засмеялась Анна Захаровна, принимая подарки. – Хотя, конечно, надо бы тебя, Веруся, отшлепать за то, что такие деньги тратишь. Но с другой стороны, все-таки приятно, ничего не скажешь. А что же ты не представишь своего молодого человека? Юрий? Очень приятно. Ну, пойдемте, пойдемте к дому. А вы на чем приехали-то? На машине? У забора ее оставили? Ничего, у нас тут спокойно, не балуют. Хотя надо потом отцу сказать, чтобы ворота открыл, загоните ее на участок. Тем более сейчас еще Вовка приедет. Это наш старшенький. Он у нас уже женатый, через него у нас уже и внучек есть.

Не умолкая ни на минутку, говорливая Анна Захаровна повела своих гостей по дорожке в глубь сада, и вскоре они вышли на небольшую полянку, раскинувшуюся перед крепким бревенчатым домом. На поляне стоял длинный деревянный стол, покрытый клетчатой скатертью. За столом в плетеном кресле дремала старенькая бабушка. Откуда-то слева доносились веселые голоса и собачий лай, но за деревьями никого не было видно.

– Ну, вы тут располагайтесь, а я пойду принесу вам чего-нибудь перекусить – до обеда-то еще далеко, – сказала Анна Захаровна и, не слушая возражений, скрылась за углом дома.

Не успели Ника с Юрием обменяться и парой слов, как из дома появилась Евгения.

– Какие люди! – закричала она с порога. – Сколько лет, сколько зим!

– Ух, как ты красиво поджарилась, – похвалила Ника, разглядывая глянцево-шоколадный загар подруги.

– Да уж, отпуск не пропал даром, – откликнулась Женька, окидывая пристальным взглядом стоявшего рядом с ней Юрия. – А это у нас кто такой?

– Юрий Кораблев, – поспешил представиться тот.

– Очень странно, – фыркнула в ответ Женька.

– Обычно в таких случаях говорят «очень приятно». А что такого странного в моем имени?

– Просто я всегда была уверена, что Кораблев обязательно должен быть Денисом.

– Наверное, мои родители не читали «Денискины рассказы».

– Юрий, это моя подруга Евгения, – поспешила вмешаться Ника в их диалог, который больше смахивал на перепалку. Она еще не поняла, в чем дело, но уже догадалась, что ее кавалер произвел на Женьку не самое благоприятное впечатление. Обычно с незнакомыми людьми подруга была вполне доброжелательной, а тут вдруг с ходу выставила иголки – с чего бы это?

Неожиданно в воздухе вкусно пахло жареным мясом. Юрий потянул носом и одобритительно заметил:

– Шашлык из баранины, маринованной с кинзой, – это мечта поэта.

Женька немедленно закатила глаза:

– Ну, все ясно, замечательная компания для моего папочки.

Ее отец Евгений Михайлович слыл большим специалистом по части шашлыков, знал не меньше сотни способов приготовления его из самых разных сортов мяса и страшно гордился самолично сложенным из камня мангалом.

Появившаяся с тарелкой в руках Анна Захаровна не дала Женьке возможности развить свою мысль.

– Вот, подкрепитесь с дорожки, – сказала она. – А потом я вас делом займу. Вы, девочки, отправляйтесь на кухню – картошечку почистите, овощи помойте и начинайте нарезать салаты. А вы, Юрочка, займетесь самоваром. Вы умеете обращаться с самоваром? Самовар у нас знатный, старинный, баташовский, – похвасталась она с нескрываемой гордостью. – Это нам все от мамыши моей досталось, – обвела она рукой свои обширные владения, а потом поглядела в сторону спящей старушки. – Ее отец был в здешних местах...

– Мам, – непочтительно прервала ее Женька, которая хорошо знала, что мать может часами говорить без умолку, – ты собиралась занять нас делом.

– Ой, твоя правда, – всплеснула руками Анна Захаровна и снова обратилась к Юрию: – Пойдемте, Юрочка, я покажу вам нашего баташова. Мы топим его еловой щепой и шишками.

Она повернула в сторону примыкавшей к дому маленькой веранды, а Юрий поспешил следом, приговаривая:

– Самовар – друг семейного очага, лекарство для прозябшего путника.

– Какого еще путника? Да еще прозябшего в разгар лета. Чушь какая-то, – проворчала себе под нос Евгения.

Ника смотрела на подругу с нескрываемым удивлением.

– Что это ты на него набросилась? – спросила она, но Женька ничего не ответила, лишь неопределенно пожала плечами. И только когда они расположились под навесом летней кухоньки, Евгения снова завела разговор о Юрии.

– Где ты откопала этого Годзиллу? – спросила она, с остервенением кромсая кочан капусты.

– Так уж и Годзиллу? – миролюбиво переспросила Ника, продолжая удивляться Женькиной агрессивности. – Просто он в армии служил, был десантником, а они, если судить по фильмам, все такие.

– Тоже мне – десантник, – не желала угомониться Женька. – У него ясные голубые глаза и круглые розовые щеки, как у пупса. И вообще, он же тебе в сыновья годится!

Хотя Ника отлично знала, что выглядит гораздо моложе своих надвигающихся тридцати лет, замечание Женьки ее обидело. Но все же не настолько, чтобы всерьез рассердиться. Для этого она слишком хорошо знала свою подругу, которая в пылу страстей могла наговорить все, что угодно. Успокоившись, она обычно начинала каяться, но это уже потом.

– Что у вас может быть общего? – продолжала кипятиться Евгения, потрясая зажатым в кулаке пучком укропа. – У него же на лбу написано восемь классов образования плюс призыв в армию.

– Тут ты ошибаешься, – возразила Ника, – он в Бауманском учился.

– Тогда он наверняка был двоечником.

Ника рассмеялась.

– Может, и двоечником, зато он человек хороший, – попыталась она усмирить подругу. Но сделать этого ей не удалось, потому что тут на горизонте появилась Анна Захаровна и подлила масла в огонь.

– Вот, Женюшка, учись! – сказала она назидательным тоном. – Какого парня себе Веруша отхватила, а? Хорош, по всем статьям хорош! И руки на месте, и голова. А уважительный какой! Отец в нем уже души не чает, да и Вовка тоже.

Оказалось, что к нынешнему моменту Юрий уже успел обаять все семейство. С Евгением Михайловичем он со знанием дела обсудил рецепт приготовления настоящего грузинского шашлыка, с братом Женьки поговорил про дела армейские, а когда жена Владимира заволновалась, что Барбос без конца лает и может разбудить малыша, Юрий быстро усмирил брехучего пса.

– В общем, всем потрафил, и все от него в диком восторге, – ехидно прокомментировала Евгения.

– И очень даже хорошо, что такой приятный человек в гости пожаловал, – твердо сказала Анна Захаровна. – Уж все лучше, чем Додики всякие, которые только и знают, что заткнуть уши музыкой да в гамаке качаться.

Не обращая внимания на загоревшиеся маковым цветом щеки дочери, она подхватила со стола мисочку с помидорами и быстро удалилась.

Пыхтя от возмущения, Евгения принялась яростно скоблить картошку.

– Вот, видела, как они ко мне относятся? – прошипела она. – Еще ни один из моих бойфрендов не пришелся им по душе. Потому что, чем интеллигентнее человек, тем он им меньше нравится. Они считают, что если он не бухает вместе с моим папашей и не материт всеобщую мировую несправедливость, то с ним вообще не о чем разговаривать!

– Кстати, а где твой Додик? – поинтересовалась Ника. В общем и целом она разделяла отношение Женькиных родителей к ее поклонникам, которые в большинстве своем были дармоедами с замашками голливудских звезд. – Ты его случайно в Турции не потеряла?

– Пошел этот Додик подальше, – с досадой сказал Женька. – Козел самый настоящий. Мне все время хотелось его утопить, да он как чувствовал – боялся заходить в воду глубже, чем по щиколотку, – с презрением добавила она.

«В этом вся Женька, – усмехнулась про себя Ника. – Все понимает правильно, но готова общаться со всякими шаромыжниками, лишь бы только позлить родителей, которых считает ханжами и мещанами».

На шашлыки помимо Женькиного брата с женой и наследником приехала подруга матери со своим семейством, а также пришли соседи по даче. После шумного застолья с многочисленными тостами и песнопениями все разбрелись по участку, над которым теперь стоял веселый гомон. В такие моменты в душе Ники всегда поднималось чувство тоскливой зависти, потому что у нее самой никогда не было настоящей семьи и в их доме не устраивали семейные праздники. Ника всегда считала, что подруге в этом плане страшно повезло, и не понимала, почему та беспрестанно шугает свою родню.

Юрий вместе с Владимиром покуривал, сидя на крылечке, а рядом с ними со стаканом в руке стоял Евгений Михайлович и рассуждал о политике.

– Вон, полюбуясь на этих голубчиков, – с раздражением в голосе сказала Евгения. – Они уже спелись.

– Жень, ну что плохого в том, что Юрий быстро сдружился с твоим отцом? – вступилась за своего нового приятеля Ника.

– Да как ты не понимаешь?! – возмутилась подруга. – Он тебе не подходит. Он же простой, как песня! Они с моим папочкой два сапога пара. Ты мечтаешь о такой жизни, как у моих родителей? Чтобы все время, как пони по кругу: работа, дом, дача? Газета за тарелкой борща и синхронное засыпание на диване под идиотский телесериал? Тебе хочется, чтобы твой муж, придя с работы и хватив пятьдесят грамм для расслабухи, начинал зудеть про то, в каком дерьме живет наша многострадальная страна? Ты об этом мечтаешь? Потому что если у тебя более романтический взгляд на семейную жизнь, то твой Кораблев тебе явно не пара.

Ника была категорически не согласна с подругой, потому что лично ей Юрий казался добрым, порядочным и вовсе не глупым. А то, что Женька считала простотой, было на самом деле добродушием и умением располагать к себе людей. И все же затевать на эту тему спор она не стала – ей не хотелось портить им обоим настроение. Поэтому вместо того, чтобы отвечать на нападки, она легкомысленно махнула рукой и сказала:

– Да бог с ним, с романтическим взглядом. Ты лучше скажи, как тебе нравится моя новая юбочка? Зря я, что ли, наряжалась?

Ника, расставив руки в стороны, шутливо покружилась вокруг своей оси.

– Я сразу оценила твои успехи в плане обновления имиджа и хотела тебя похвалить, – сварливым тоном призналась Евгения, – просто этот твой Кораблев выбил меня из колеи.

Подруги одновременно повернули головы в сторону только что упомянутого субъекта и увидели, как тот поднимается со ступенек и достает из кармана мобильник.

«Лабвакер, даргайс драугс», – донесся до них его голос, и Ника страшно удивилась – неужели Юрий говорит по-латышски?

Когда, закончив разговор, тот подошел к девушкам поболтать, Ника набросилась на него с вопросами.

– Да нет, кроме «лабвакер» да «палдиес» я больше ничего по-латышски не знаю, – засмеялся Юрий. – Хотя, наверное, должен был бы. У меня в Риге живет хороший приятель: наши родители дружили всю жизнь. У них был домик в районе Булдури, и мы почти каждое лето ездили к ним в гости.

– У моей школьной подруги тоже была дача в Булдури, – подхватила Ника, и они завели разговор о Прибалтике.

Евгения в их беседе не участвовала. Она зажгла сигарету и молча курила, демонстративно глядя вдаль. Бросив короткий взгляд на ее угрюмое лицо, Ника в который уже раз подумала, что обычно жизнерадостная подруга сегодня совершенно на себя не похожа.

Фотографии из старого альбома

Воскресенье Ника провела за городом на «фотоохоте». Юрий увязался вместе с ней, чтобы, как он выразился, поучиться азам фотографирования. Ника, вооруженная своей «Катюшей», снимала природу, а Юрий щелкал ее саму с помощью маленького цифрового фотоаппарата.

Красный джип они оставили в деревне, растянувшейся вдоль берега неширокой, но довольно шустрой речушки. На другом берегу громоздились внушительных размеров особняки, откровенно диссонировавшие с убогими крестьянскими домишками. Туда Ника с Юрием решили не соваться. Они отправились к видневшемуся неподалеку лесу, но углубляться в него не стали, а долго бродили по залитой солнцем опушке. Потом пересекли небольшое поле и по заросшему косматой травой склону спустились к живописному, прямо-таки поленовскому пруду. К обеду они вернулись в деревню. Купив у каких-то бабулек пакет крыжовника, они съели его, сидя на пригорке и наблюдая за тем, как загорелые до черноты мальчишки бесстрашно прыгают с мостков в воду и плавают наперегонки.

Глядя на них, Юрий принялся вспоминать про свои поездки в Прибалтику. Они с родителями обычно отправлялись сначала в Ригу, а оттуда ехали на электричке в Булдури, где у их приятелей была небольшая дачка. Если не шел дождь, то всю первую половину дня они проводили на пляже, купаясь в ледяной воде, строя замки из песка и соревнуясь в нырянии, беге и прыжках в длину.

– После обеда шли собирать чернику, а заодно и грибы, – живописал подробности Юрий. – Ты, наверное, не хуже меня знаешь, какие латыши разборчивые – уважают только благородные грибы, не собирают ни сыроежки, ни лисички. А мы ими не гнушались и жарили на огромной сковороде с картошечкой и луком.

Потом он попытался перевести разговор на нее, Нику, но она отделялась лишь односложными ответами или ничего не значащими фразами. В конце концов он, сообразив, что она не хочет вдаваться в подробности своей жизни, отстал.

Однако вечером, расположившись на диване перед телевизором и прихлебывая из стакана холодное молоко, Ника неожиданно для себя тоже поддалась ностальгии. Проворно поднявшись на ноги, она подошла к книжному шкафу и вытащила с верхней полки толстый старый альбом в сером дерматиновом переплете. В нем хранились фотографии из ее детства. Девушка принялась перелистывать плотные шершавые страницы. Вот она совсем маленькая в белой панаме на песчаном пляже в Пабажи, вот она с бабушкой в парке, вот – с отцом, с подружкой, с соседкой. И только одной, самой главной фотографии, где Ника была бы изображена с матерью, в альбоме не было.

Вместе с бабушкой и отцом Ника жила в двух комнатах большой коммунальной квартиры, которая находилась в старом каменном доме на улице Карла Маркса. Когда Ника впервые переступила порог этого дома, ей было всего два года. Гулкий мрачный подъезд, лестницы с громадными ступеньками и чугунными перилами, комнаты с высоченными потолками и глубокими эркерами – все это произвело на маленькую Нику ошеломляющее впечатление. Дом казался ей безрадостным, и это ее пугало. Позже, когда бабушка начала читать ей волшебные сказки, Ника стала представлять себя принцессой, живущей в средневековом замке в ожидании счастья.

В длинном-предлинном коммунальном коридоре было шесть дверей, на просторной кухне с тремя окнами разместилось шесть газовых плит, шесть холодильников и шесть кухонных столиков. Зато ванная была одна, и туалет тоже был один. Поэтому там нельзя было задерживаться надолго. Быстро принять душ, еще быстрее почистить зубы, на цыпочках в кухню за тарелкой каши и – шмыг обратно в свою комнату. И упаси бог пробежаться

или поскакать на одной ножке по коридору! Бабушка была маниакально озабочена проблемой добрососедского общежития и всеми силами старалась никого не потревожить, чтобы не вызвать ни у кого недовольства. Она зорко следила за тем, чтобы и Ника тоже вела себя в соответствии с установленными ею жесткими правилами.

«Если бы не тетя Тильда, – внезапно подумала Ника, – то из меня непременно получился бы маленький оловянный солдатик».

Соседка Матильда Францевна в прошлом была танцовщицей не то в кабаре, не то в варьете. Ей не было еще и пятидесяти, но она давно уже вышла на пенсию, и ее деятельной и веселой натуре явно не хватало приключений. Когда Ника стала жить с бабушкой, то сразу встал вопрос о том, кто будет за ней приглядывать. Бабушка тогда работала учительницей химии в средней школе и с утра до вечера возилась со своими учениками. Отец тоже где-то работал, только Ника никогда толком не знала, что у него за профессия. Матильда Францевна добровольно вызвалась опекать девочку и делала это с огромным удовольствием.

«Тетя Тильда была «заговорщицей», – улыбнулась Ника, разглядывая фотографию, на которой они с соседкой держались за руки и чему-то весело смеялись. Перед бабушкой она разыгрывала строгую даму с поджатыми губами, но как только за Вероникой Александровной захлопывалась дверь, Матильда Францевна сразу же превращалась в лихую и веселую мадам. Больше всего Нике нравились их совместные с тетей Тильдой «концерты», когда они вдвоем пели и плясали перед высоченным зеркалом: у соседки на шее красовалось боа из пестрых перьев, а у Ники – пушистый мохеровый шарф. А однажды тетя Тильда притащила откуда-то маленький трехколесный велосипед и разрешила Нике гонять на нем по длинному полутемному коридору сколько душе угодно. В другой раз соседка взяла Нику с собой в кондитерскую и купила ей большого марципанового зайца. Заяц был очень красивый, с добрыми зелеными глазами, и есть его Нике было жалко. Тогда на следующий день тетя Тильда купила в том же магазине марципановую свинью – неказистую, с нахальным кривым пяточком. Со свиньей разделались довольно быстро, и с тех пор Ника полюбила вкус марципана.

В тот год, когда Ника пошла в первый класс, внезапно обнаружилось, что у Матильды Францевны есть сын, который живет где-то на Дальнем Востоке. Он недавно обзавелся потомством и решил забрать мать к себе, чтобы она могла растить внучку. Расставание с соседкой было самым трудным испытанием в жизни девочки. На прощанье тетя Тильда подарила своей маленькой компаньонке красивую пластиковую коробку от французских духов, в которой, как в клетке, жил пестрый игрушечный попугайчик. Попугайчик пропах духами, и этот запах навсегда запечатлелся в памяти Ники как напоминание о ее прекрасной «подпольной» жизни.

Зато запах лилий девочка ненавидела. Эти цветы бабушка покупала всякий раз, когда они отправлялись на могилу к дедушке, и с тех пор они всегда ассоциировались у Ники со смертью.

Ника еще немного полистала альбом, размышляя о том, как бы сложилась ее жизнь, останься они с бабушкой жить в Риге. Об этом она думала уже не раз, но до сих пор так и не пришла к какому-нибудь определенному выводу.

Когда наступили девяностые годы и Прибалтику залихорадило, Никин отец быстро сориентировался в обстановке: он сразу понял, что времена грядут суровые и надо бы на всякий случай подстраховаться. Латышский язык он так никогда и не выучил и учить не собирался, а без этого надеяться на новое гражданство не приходилось. Так что, недолго думая, он забросил на плечо рюкзак с нехитрыми пожитками и отправился в Россию искать прибежище на будущее.

Все то время, пока отец занимался урегулированием своих жизненных проблем, Ника продолжала жить в Риге вместе с бабушкой. Однако в тот год, когда девочка перешла в

седьмой класс, их неожиданно попросили освободить квартиру – в дом, в котором находилась их коммуналка, вознамерились вернуться прежние хозяева, те, которые «до 40-го года». Вероника Александровна, обладавшая твердым и решительным характером, сразу же принялась бороться за справедливость, но неожиданно столкнулась с крайне неприятным фактом: оказалось, что все бюрократы Латвии в одночасье забыли русский язык. Сама Вероника Александровна всю жизнь проработала в русской школе и латышский знала лишь на «магазинно-рыночном» уровне. Ника же, которая к тому времени еще даже не успела получить паспорт, в расчет никем не принималась. В итоге, пометавшись в поисках правды и наткнувшись на непробиваемую стену казенного равнодушия, бабушка Ники приняла гордое решение «не метать бисер перед свиньями». Получив до смешного мизерную компенсацию за квартиру, в которой она прожила без малого пятьдесят лет, Вероника Александровна, прихватив внучку, отправилась в Москву. Конечно, начинать жизнь в российской столице, опираясь на одну только национальную гордость, было бы сложно, если бы не приличная сумма, которую им повезло выручить за дачу на Рижском взморье. На эти деньги они смогли купить крохотную двухкомнатную квартирку в Тушино, которая стала их новым домом. Вскоре после переезда Вероника Александровна начала работать в школе, но поскольку учительские зарплаты, как известно, невелики, жили они с внучкой крайне скромно. Рассчитывать на помощь Никиного отца, который к тому времени осел в Подмосковье, но все еще продолжал болтаться между временными работами, им не приходилось.

Никины воспоминания прервал длинный телефонный звонок. Вздвогнув от неожиданности, она бросила взгляд на часы – почти одиннадцать. За исключением Женьки, так поздно ей мог позвонить только один человек. Тяжело вздохнув, она сняла трубку.

– Вероника Александровна, привет! – услышала она нарочито бодрый голос отца. Он всегда, даже в детстве, называл ее по имени-отчеству. Ника считала, что ему доставляло удовольствие слышать в этом сочетании свое собственное имя – вероятно, таким образом он самоутверждался.

Разговоры с отцом никогда не доставляли Нике удовольствия, хорошо хоть, что звонил он довольно редко. Правда, в этот раз он беспокоил ее исключительно по делу – желал выяснить, что бы Ника хотела получить от него к своему дню рождения.

– Тридцать лет – дата солидная, – важно заявил он, как будто юбилей дочери являлся его личной заслугой. – Проси что-нибудь серьезное.

Ника вежливо поблагодарила отца за заботу и сказала, что полагается на его вкус и будет рада любому подарку. По опыту она хорошо знала, что его «вкус» определялся исключительно финансовой ситуацией, которая менялась в зависимости от того, пьет он в данный момент или же «в завязке».

Разговор с отцом нарушил течение Никиных мыслей. Вспоминать о детстве больше не хотелось, и она с сожалением закрыла альбом.

Кадр второй

Дверь «Фотоателье номер 44» открылась, и в нее протиснулся длинный рыжий парень, обвешанный сумками с фотоаппаратурой.

– Салют, – обратился он к сидевшей за конторкой Нике. – Подмогнешь?

– Привет, Мишук, – откликнулась девушка, быстро поднялась и поспешила к нему на помощь. – Что это ты сегодня так экипировался?

– Все свое ношу с собой, – хохотнул фотограф, перевешивая на плечо Ники большую черную сумку с десятком оттопыренных кармашков по бокам. – Шутка, – добавил он и пояснил: – Тут один чувак линяет за кордон и распродает свое барахло. Я у него много чего прихватил. Могу показать, если интересуешься. Есть совсем нехилая бленда, макрушник, пара «кэноновских» тушек...

Ника усмехнулась. Когда Мишук начинал говорить на своем профессиональном сленге, непосвященному человеку понять его было сложно. А Ян Сигизмундович, будучи фотографом старой заправки, приходил в ярость, когда слышал, как тот называл вспышку «пыхой», а объектив «стеклом».

– Вообще-то мне хороший портретник нужен, – сказала Ника.

– А-а, был у него полтинег, да я не взял – разве же это портретник! – скривился Мишук, развернулся и направился в заднюю комнату, служившую чем-то вроде лаборатории в сочетании с кладовой.

– Ну, тогда как-нибудь в другой раз, – махнула рукой Ника, следуя на ним по пятам.

Мишук сгрузил сумки на стоявший в углу диванчик, открыл одну из них и вытащил на свет божий толстенький блестящий объектив, похожий на укороченную подзорную трубу.

– Во классная игрушка, – сказал он с восторгом. – Пришпандоришь к своей старушке – будет жикать, как новенькая. По дружбе отдам недорого.

Ника вздохнула. То, что для Мишука считалось «недорого», для нее наверняка было целым состоянием.

– Да нет, Миш, спасибо, я пока как-нибудь обойдусь.

– Что, с монетами по-прежнему туго? – сразу же догадался Мишук. – Да, с нашим боссом не шибко разбогатеешь. А че у тебя там со стоками?

Спрашивая про «стоки», Мишук имел в виду микропейментовые фотобанки, которые в последние годы пользовались повышенным вниманием отечественных фотографов, как профессионалов, так и любителей. Сам Мишук относил себя к «мощным стоковцам», хранил в банке несметное количество снимков и зарабатывал на этом до пары тысяч «зелененьких» в месяц. Когда полгода назад Ника показала ему свои «Картинки с улицы», он сразу же посоветовал ей тоже отправить их в один из фотобанков.

– А чего, попытка, как говорится, не пытка, – сказал он. – Точно знаю, что голых баб в базах до хрена, а вот тема «Настроение», например, охвачена слабо. Так что не тушуйся и засылай.

Ника не стала долго раздумывать и сделала так, как советовал Мишук. Поначалу ничего не происходило, но потом на ее счет все же стали поступать некие суммы. Они были мизерными с точки зрения крупного профессионала, зато значительно улучшали настроение безработному любителю. Но вот буквально пару дней назад произошло нечто невероятное – Ника получила почти шестьсот баксов чистыми и никак не могла поверить в реальность случившегося.

Вот почему в ответ на вопрос Мишука о стоках Ника поспешила поделиться с ним радостной новостью.

– Ну и зашибись, – подвел итог ее коллега. – Выходит, спрос на твои карточки возрос. Было бы у тебя их больше, и бабки могли бы быть больше. Так что давай, посылай еще.

Разговор их прервала трель мобильного, и через секунду Мишук уже с головой погрузился в свою фотографическую стихию.

– А какое стекло он брал? – кричал он в трубку. – Не, ну он точно лузер. Да ты че, если у этого уroda руки-крюки, ему никакой Хассель не поможет.

Ника вышла из комнаты, осторожно прикрыла за собой дверь и снова улыбнулась. Хорошо, что Ян Сигизмундович ушел пить кофе, иначе не миновать бы Мишуку очередной нотации.

Вообще-то Мишук был фотографом от бога. В старые добрые времена он слыл знаменитостью, работал для лучших отечественных изданий и вращался в самых разгламурнейших кругах. На своем пути к блестящей карьере он преодолел и огонь, и воду, но вот испытания медными трубами славы не выдержал – начал безбожно пить. В итоге все закончилось довольно печально, и Мишук лишь чудом не угодил в Кащенко. Разом утратив свой привилегированный статус, теперь он кормился со своих прежних достижений, а для души трудился у Яна Сигизмундовича на ниве свадеб и банкетов. Он был виртуозом репортажной съемки и даже в глубоком подпитии умудрялся делать такие уникальные снимки, что молва о них продолжала гулять по всей Москве. После очередной «литры выпитой» Мишук непременно начинал себя жалеть, и все его стенания обычно заканчивались патетическим восклицанием: «Во мне погиб великий художник!» На что Ян Сигизмундович нравоучительно отвечал: «Он погиб от твоей собственной руки, мой друг», и Мишук тут же сдувался.

Не успела Ника усесться на свое место, как зазвонил стоявший на столе телефон. Она поспешила поднять трубку и приветливо сказала:

– Фотоателье номер 44. Здравствуйте. Чем я могу вам помочь?

– Тем, что немедленно возьмешь свой фотик и галопом примчишься сюда! – завопил в ответ голос Евгении. В голосе звучала паника.

– Женька, ты меня пугаешь, – сердито ответила Ника. – Что там у тебя стряслось? Почему ты так кричишь?

– Тут каждая минута дорога, а ты задаешь дурацкие вопросы, – по своему обыкновению вспылила Евгения, но причину переполоха все же объяснила.

Дело было в том, что большая и солидная компания «Росмикро», в которой работала Женька, в настоящее время с размахом отмечала свое пятнадцатилетие. По этому поводу для сотрудников организовали кучу всевозможных корпоративных развлечений, в том числе и сегодняшнюю прогулку на теплоходе. Все мероприятия должен был обслуживать специально нанятый для этого дела фотограф, но именно сегодня случилось нечто непредвиденное – он позвонил и сообщил, что по дороге попал в аварию.

– Сказал, что его здорово потрянуло, поэтому им теперь занимаются врачи. А у нас из-за него съемка срывается, – продолжала кричать Евгения.

– Если я правильно тебя поняла, ты надеешься, что вашего фотографа заменю я?

– Ну естественно! Мы отчаливаем уже через полчаса – за такое время больше ни с кем договориться невозможно.

– Со мной тебе договориться тоже не удастся, – твердо заявила Ника. – Репортажная съемка – это совершенно особое дело, я не имею о ней никакого представления.

– Да и черт с ней, – со свойственным ей напором продолжала уговаривать Женька. – Это все чистой воды формальность, честное слово. Просто наш шеф жутко любит выпендриваться и фотографа выписал исключительно «для престижу». Если он вдруг заметит, что по палубам не носится человек с фотокамерой, он рассвирепеет и будет месяца два после этого метать в нас громы и молнии. Только ты одна можешь избавить наш коллектив от этой

напасти. Ну что тебе стоит изобразить бурную деятельность? На самом деле фотки могут быть самые простые, ну как для стенгазеты. Зато тебе за них хорошо заплатят.

Ника еще немного посопротивлялась, но настойчивость Евгении все же победила. Тем более что Ян Сигизмундович как раз явился на работу, и теперь было на кого оставить дела.

– Никуся, я перед тобой в неоплатном долгу, – радостно воскликнула Женька, когда подруга спросила, куда надо ехать. – Мы отчаливаем от гостиницы «Украина», так что немедленно хватай машину и лети сюда.

В этот момент в дверях показался Мишук. Поскольку сегодня он был трезв, а значит, за рулем, Ника, не раздумывая, взяла его в оборот, и фотограф, пребывавший по случаю удачной сделки в хорошем настроении, без долгих уговоров согласился доставить ее на набережную Тараса Шевченко. Водителем Мишук был бесшабашным, и в другое время Ника ни за что бы не села вместе с ним в машину. Но сейчас, когда время поджимало, лихость его пришлась даже к стати. Не прошло и двадцати минут, как Ника уже ступила на борт – буквально за секунду до отплытия.

На теплоходе играла громкая музыка, сотрудники «Росмикро» от души резвились, плясали и пели, но больше все же пили. Ника, которая не умела флоритить, неустанно бегала с палубы на палубу, пытаясь охватить своими съемками как можно больше людей. Евгения показала ей самые главные лица, которые следовало запечатлеть в обязательном порядке, остальных же можно было фотографировать по мере их случайного попадания в кадр. Задачу Ники облегчало то, что разгулявшийся народ охотно ей позировал, сбиваясь в кучи, обнимаясь, гримасничая и заливаясь хохотом.

Когда со съемками в общем и целом было покончено, изрядно запыхавшаяся Ника решила немного передохнуть. Она поискала Женьку, но та куда-то запропастилась, и Ника в одиночестве отправилась в бар. Отыскав свободное местечко у стойки, она заказала себе чашку кофе и огляделась по сторонам. Именно в этот момент краем глаза она увидела, что к стойке бара подошел какой-то мужчина и уселся на стоявший справа от нее высокий стул. По восторженным женским взглядам, как по команде устремившимся в его сторону, Ника догадалась, что парень он симпатичный. Ей немедленно тоже захотелось на него посмотреть, но поскольку мужчина сидел слишком близко, она так и не отважилась повернуть голову. И все же, когда бармен поставил перед Никой кофе, любопытство пересилило. Поднеся чашечку к губам, она осторожно покосилась на своего соседа и чуть не поперхнулась от неожиданности – тот сидел, подперев голову рукой, и разглядывал ее в упор.

– Ну, наконец-то вы меня заметили, – сказал он весело, не дав ей возможности сгореть со стыда. – Сам я, между прочим, заметил вас уже давно и пару раз даже собирался представиться. Но вы слишком быстро перемещаетесь в пространстве, мне не удалось за вами угнаться. Очень рад, что в вашей работе наступило затишье и теперь мы с вами можем познакомиться. Меня зовут Иван. А как зовут вас, очаровательный фотограф?

Ника не спешила отвечать на его вопрос, потому что боялась, что голос выдаст ее волнение. А как тут было не разволноваться, коли молодой мужчина, который желал узнать ее имя, был невероятно хорош. Теперь, когда ей представилась возможность разглядеть незнакомца получше, Ника поняла, почему его появление вызвало такую ажитацию среди присутствующих в баре дам. Он был ладно скроен, высок, улыбался обаятельно, а немного растрепанные темные волосы и легкая небритость придавали ему сходство с моделью из модного мужского журнала.

– Меня зовут Вероника, – сказала, наконец, девушка, радуясь, что голос ее не подвел. – Можно просто – Ника.

– Очень приятно познакомиться, Ника-Вероника, – сказал Иван. – Предлагаю сразу перейти на «ты». Идет?

Он подкупающе улыбнулся, и чашка предательски задрожала у Ники в руке. Девушка поспешила поставить ее на стойку и только потом утвердительно кивнула:

– Идет.

Иван, кажется, совершенно не замечал ее волнения. А может быть, он просто привык к тому, что девицы неизменно млеют в его присутствии, и давно перестал обращать на это внимание. Как бы то ни было, но он явно находился в своей стихии, держался раскованно, говорил непринужденно и при этом поглядывал на Нику с лукавым интересом. Вскоре ей стало казаться, что он ее загипнотизировал. Она реагировала на его слова, не понимая их смысла, улыбалась, кивала – и все это, наверное, к месту, потому что Иван распалялся все больше. И только когда он предложил «выпить по коктейльчику за знакомство», Ника наконец очнулась от грез. Вовремя вспомнив, что с утра у нее маковой росинки во рту не было, она испугалась, что даже маленький глоток алкоголя может свалить ее с ног. С другой стороны, откажись она выпить за знакомство, Иван вполне мог обидеться, пожать плечами и уйти. Что же делать?

– А, вот ты где! – неожиданно раздался у нее за спиной спасительный голос Евгении. – Я ее ищу-ищу, а она в баре прохлаждается.

Женька бесцеремонно хлопнула подругу по плечу и слегка пошатнулась, из чего Ника сделала вывод, что та уже малость под мухой. Потом, прищурив один глаз, Евгения посмотрела на Ивана и громко спросила:

– Вы что, уже успели задружиться?

– А чего тянуть? – весело откликнулся Иван. – Как раз собирались выпить за это дело. Будешь с нами?

– Ща подумаю, – сказала Евгения и действительно задумалась на целую минуту. Иван, заговорщически подмигнув Нике, терпеливо ждал ее ответа.

– Нет, пить не буду, – вынесла наконец свой вердикт Женька. – Не за этим я сюда шла. Слушай, подруга, – повернулась она к Нике, – ты еще не забыла, за что ты у нас ответственная? Сейчас будет большая стоянка, так что приготовься сгружаться на берег. Народ станет в мячик играть, бегать-прыгать, в общем – резвиться. Надо будет их запечатлеть, чтобы никто не думал потом, будто мы тут только и делали, что бухали.

Закончив свою речь, она перевела взгляд на Ивана, немного его поразглядывала и снова обратилась к Нике. Придвинувшись почти к самому ее уху, она нарочито громким шепотом сказала:

– Кстати, хочу тебя предупредить. Вот этот Иван-царевич, – ткнула она большим пальцем себе за спину, – только кажется прекрасным. На самом деле он серый волк, который пожирает глупых девушек и коллекционирует их красные шапочки.

– Какая потрясающая метафора, – со смехом воскликнул Иван. – В тебе, Евгения, пропадает талант писателя. Надо будет познакомить тебя с моим другом Метлицким. Он пишет кровавые боевики – очень, кстати, популярные в народе, и точно такой же красноречивый, как и ты, – вы наверняка найдете общий язык.

– Ты мне зубы-то не заговаривай, – фыркнула Евгения, взяла Нику за руку и потянула ее за собой. – Пошли, подруга, нас ждут великие дела.

Ника смущенно взглянула на Ивана, улыбнулась ему извиняющейся улыбкой, сказала «Пока!» и покорно последовала за Евгенией. Она никак не могла решить, радоваться ей тому, что случилось, или огорчаться. Тот дурман, в который она погрузилась под действием Ивановых чар, слегка рассеялся, и Ника подумала, что Женька, видимо, подросла как раз вовремя.

«Наверное, со стороны я выглядела полной дурой. Что бы сказала бабушка, если бы увидела меня в тот момент рядом с Иваном? «Фу, Вероника, – сказала бы она, – где твоя гордость? Ты была похожа на виляющую хвостом собачку, которую поманили конфеткой». И она была бы совершенно права, потому что я действительно потеряла над собой контроль».

Восстановив таким образом утраченное на время душевное равновесие, Ника постаралась не думать больше о своем новом знакомом и, сойдя на берег, сосредоточилась на возложенной на нее миссии. Однако не прошло и десяти минут, как Иван вынырнул из толпы отдыхающих прямо у нее перед носом и предложил поработать ее кэджи.

– Ну, знаешь, это такие помощники у гольфистов, которые носят за ними сумки с клюшками, – пояснил он. – Так и я буду таскать твою сумку, чтобы тебе удобнее было фотографировать.

На самом деле Нике было удобнее как раз с сумкой на плече – по крайней мере привычнее, но разве ж она могла отказаться от такого соблазнительного предложения?

С этого момента и до самого завершения теплоходной одиссеи Иван больше не отходил от Ники ни на шаг. Когда подошло время прощаться, он выцганил у нее номер телефона, а уж потом без особого труда добился согласия быть его дамой на грядущем «фирменном» банкете. Если бы не бдительная Евгения, Ника, наверное, согласилась бы и на то, чтобы он проводил ее домой. Но подруга твердо заявила, что Ника поедет вместе с ней, и Иван счел за благо отступить.

– Ну, ты, девушка, даешь! – воскликнула Женька, когда они уселись в такси.

– Куда едем? – перебил ее шофер, быстро сообразив, что тирада подвыпившей пассажирки может затянуться надолго. Однако, пока Ника объясняла ему, куда их везти, Женька мирно заснула на заднем сиденье и проспала до самого дома.

Ссора с Женькой

На следующий день Ника вся была как на иголках. Ей не терпелось поскорее пообщаться с Евгенией, но та, как нарочно, до самого обеда проторчала на каком-то важном совещании, и связаться с ней никак не получалось.

Зато с утра пораньше позвонил Иван, дабы убедиться в том, что за прошедшую ночь его новая знакомая не изменила своего решения идти на банкет, а также договориться о месте их завтрашней встречи. Даже по телефону Ника чувствовала его обаяние, которое заставляло ее сердце быстро и радостно подпрыгивать в груди. После разговора она долго не могла прийти в себя, предаваясь мечтам и совершенно не думая о работе. Хорошо хоть, что дел в этот день было немного.

Когда около трех часов зазвонил ее мобильник, Ника, уверенная, что это объявилась Евгения, не глядя приложила трубку к уху и воскликнула:

– Ну, наконец-то! Я уж думала, ты никогда не позвонишь!

– Так уж и никогда? – услышала она в ответ голос Юрия и от неожиданности чуть не выронила телефон.

– Ой, Юр, погоди минутку, – ненатурально бодро закричала Ника, надеясь взять небольшой тайм-аут, чтобы собраться с мыслями. – Тут... Тут клиенты пришли.

– Хочешь, чтобы я перезвонил попозже? – тактично поинтересовался Юрий. Но Ника уже успела справиться с растерянностью и, сделав глубокий вдох, а потом такой же глубокий выдох, решила, что откладывать разговор все же не стоит.

– Да нет, уже все в порядке, я могу уделить тебе пару минут. О чем ты хотел со мной поговорить?

Юрий хотел поговорить о предстоящих выходных и пригласить Нику либо в кино, либо еще куда-нибудь. Сделав вид, что очень сожалеет, девушка сказала, что завтра она уже приглашена на корпоративный банкет Женькиной фирмы – и это была чистая правда.

– Желаю вам с Евгенией хорошо повеселиться, – сказал на прощание Юрий, и Ника мгновенно почувствовала себя свиньей, потому что намеренно заставила его думать, будто идет на корпоратив с подругой.

«Соврала и даже не покраснела! И как я буду выпутываться из этой дурацкой ситуации? – сердито подумала она, но тут, наконец, позвонила Евгения, и Юрий в мгновение ока вылетел у Ники из головы.

– Ты на самом деле охмурила главного сердцеда нашей фирмы или мне это с пьяных глаз привиделось? – бесцеремонно спросила Женька.

– Я не знаю, как насчет «охмурила», но на банкет он меня совершенно точно пригласил. Слушай, а он что, ужасный бабник, да?

Евгения ненадолго задумалась.

– Нет, я бы так не сказала. Бабники – они ведь гонятся за женщинами, а Порядин ни за кем не бежит. Ему важно, чтобы это бабы от него тащились.

– Его фамилия Порядин?

– Ну да... Короче, я бы не советовала тебе всерьез связываться с этим субчиком.

– Да я и не собиралась всерьез, – постаралась изобразить безразличие Ника. – И все же не вижу ничего плохого в том, чтобы немного поразвлечься. В разврат, как ты сама недавно заметила, пускаться не обязательно, а чуточку пококетничать и построить глазки мне даже полезно.

– Н-да? – скептически произнесла Евгения. – Ну а как же Юрий?

– А с ним мы потом разберемся, – с несвойственным ей легкомыслием откликнулась Ника, чем всерьез озадачила подругу.

Они еще немного попрепирались, а потом договорились встретиться после работы – Ника намеревалась попросить Женьку об одной услуге, но по телефону объясняться не хотела.

Где-то около семи часов Евгения заехала за ней на своей синей «Мазде». Усаживаясь рядом с подругой, Ника сразу же предупредила:

– Только не вздумай читать мне мораль.

– Я и не собиралась, – дернула плечом Женька. – Так о чем ты хочешь меня попросить?

– Помнишь, ты рассказывала мне про одного своего знакомого, которого зовут не то Бобик, не то Тобик...

– Тузик! – засмеялась Евгения. – А в миру – Валерий Тузов.

Она и впрямь как-то раз говорила Нике про парня, который называл себя консультантом-стилистом, но на самом деле делал деньги на «гламурном секонд-хенде». Как известно, богатые люди, особенно принадлежащие к тусовке, не слишком любят дважды выходить в свет в одном и том же наряде. Тузик с удовольствием помогал им избавляться от «барахла из прошлогодних коллекций», скупая шикарные вещи по бросовым ценам, а потом успешно перепродавал их менее избалованной части населения. Евгения пару раз пользовалась его услугами и всегда оставалась очень довольна.

– Значит, ты тоже решила прибарахлиться у Тузика? – догадалась Женька. – Намеревашься блеснуть на завтрашней вечеринке?

– Не уверена, что мне удастся блеснуть, однако выглядеть хотелось бы прилично. Но ты же знаешь, что в моем гардеробе самое шикарное – это бабушкино крепдешиновое платье.

– Нет, крепдешиновое платье нам не нужно. Зачем нам крепдешиновое платье? – с уморительной серьезностью ответила Женька и тут же решительно добавила: – Едем к Тузику! Денег тебе занять?

Ника отрицательно покачала головой и рассказала подруге о неожиданно свалившемся на нее «стоковом» богатстве.

– Можно сказать, фортуна подмигнула тебе левым глазом: и деньги появились, и мужик косяком пошел.

– А почему левым-то?

– Потому что еще неизвестно, чем все это кончится, – не слишком оптимистично пробурчала Евгения. Однако Нике вовсе не хотелось обсуждать сейчас эту тему, и она снова перевела разговор на Тузика.

Знакомый Евгении не подвел, и на банкет Ника явилась в потрясающем бирюзовом платье, очень открытом и очень элегантно. В руках она теребила крохотную сумочку-клатч, которую расторопный Тузик всучил ей в качестве приложения к изящным босоножкам на высоченной шпильке.

Иван намеревался заехать за Никой домой, но Женька пресекла его порыв на корню и сама доставила ее на праздник. Подруга вела себя, как строгая дуэнья, которая в ответе за то, чтобы ветреная красотка не наделала глупостей. Нику ее бдительность смешила и сердила одновременно, но по опыту зная, что спорить с Евгенией – себе дороже, она и в этот раз решила уступить. Однако, как только девушки переступили порог огромного, ярко освещенного банкетного зала, Женька вмиг скрылась из глаз, оставив Нику один на один с шумной, нарядно разодетой толпой. Та с легким ужасом огляделась по сторонам и испуганно поежилась. Ей все время казалось, что вот-вот случится какая-нибудь катастрофа – подломится каблук, на платье разойдется молния, из прически выскочат заколки... Но тут перед ней неожиданно возник Иван, и все ее мысли моментально сосредоточились на нем.

– Я прожил целых два дня, не видя вас, и этим доказал, что способен вынести все, – с пафосом произнес он и с легким поклоном преподнес Нике тугой белый бутон на длинном стебельке без шипов.

– Я тоже... Тоже рада тебя видеть, – сказала девушка, всеми силами стараясь справиться с волнением. – Роза очень красивая, и ты сказал красивые слова...

Она запнулась от смущения. Иван жизнерадостно засмеялся, потом нагнулся к ее уху и шутливо признался:

– Каюсь, фразу я позаимствовал у Бернарда Шоу, но она как нельзя лучше выражает всю полноту моих чувств.

После этого он предложил своей даме руку и увлек ее в глубь зала. Он знакомил ее со своими коллегами и приятелями, угощал шампанским, шутил, делал комплименты, приглашал танцевать – в общем, развлекал, опекал и оболяшал на полную катушку. Ника быстро забыла все свои страхи, расслабилась и теперь от души наслаждалась праздником.

Из состояния эйфории ее вывела Евгения, которая настигла Нику в тот самый момент, когда та ставила свой опустевший бокал на поднос официанта.

– Ну, что скажете, ребята? Весело вам? Хороший банкетик забабахали, а? – пропела Женька каким-то ненатурально бодрым голосом. А потом, не дожидаясь ответа, добавила: – По-моему, тебе, Никуся, пора припудрить нос. Ты не возражаешь, Ванечка, если я на время похитю даму твоего сердца?

Про сердце было сказано с таким ехидством, что у Ники тут же вспыхнули щеки, зато Иван в ответ лишь снисходительно хмыкнул и в тон Евгении ответил:

– Нисколько не возражаю, Женечка. Красивым девушкам просто необходимо время от времени пудрить носики – от этого они становятся еще прекраснее.

Евгения сладенько улыбнулась, сделала дурашливый книксен, сказала «мерси», после чего решительно развернулась и махнула Нике рукой, чтобы та следовала за ней. В дамской комнате она немедленно оккупировала стоявшую в самом дальнем уголке банкетку, вытащила из сумочки сигарету и, глубоко затянувшись, принялась болтать о всякой ерунде. Ника сразу догадался, что Евгения выжидает, пока удалятся девицы, толкавшиеся тут же, перед зеркалом, а потом наедине учинит ей разнос. Так и получилось. Как только они остались одни, Женька немедленно вскочила на ноги и, грозно глядя на Нику, спросила:

– Надеюсь, ты в курсе, что твое поведение породило много толков?

– Разве я веду себя неприлично? – вскинула подбородок Ника, которая уже успела подготовиться к защите.

– Да ладно прикидываться-то! – недовольно сморщила нос Женька. – Ты хотя бы примерно представляешь, на что замахиваешься? Иван – это же святая святых нашей фирмы, главная наша достопримечательность. Его мечтают захомутать все без исключения дамы как внутри нашего сплоченного коллектива, так и далеко за его пределами. С его приходом к нам на работу три месяца назад между сотрудницами развернулось, можно сказать, соцсоревнование, и Иван – это главный приз, который достанется самой достойной. А ты!.. Ты явилась ниоткуда и махом разрушила все мечты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.